

ЛитРес:

АЛЬБИНА НУРИ

Отель "Петровский"

Тайны уездного города

Альбина Нури

Отель «Петровский»

«Автор»

2020

Нури А.

Отель «Петровский» / А. Нури — «Автор», 2020 — (Тайны уездного города)

Старинное здание, где прежде располагались больница и городской морг, превратили в роскошный отель. Но за шикарными интерьерами таится нечто ужасное, а по коридорам и комнатам бродит Смерть. В прошлом веке больницу уже пробовали переделывать в дом – и для несчастных жильцов это обернулось бесконечным кошмаром. Журналист Илья, который пишет рекламную статью об открытии отеля, узнает страшную тайну этого места. Сдать статью в печать и продолжить жить, как раньше, он уже не сможет, ведь проклятье отеля коснулось и его, и девушки, которая ему дорога. Роман «Отель „Петровский“» – вторая книга серии мистических триллеров «Тайны уездного города».

© Нури А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	33
Глава восьмая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Альбина Нури Отель «Петровский»

Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.
Фердинанд фон Шилль

Пролог

Сначала он подумал, что ему всего лишь показалось.

Спал Рогов беспокойно: день был тяжелый, с вечера он решил снять стресс коньяком, однако выпил больше, чем следовало, поэтому хотя заснул быстро, но проснулся уже через несколько часов с головной болью, пересохшим горлом, колотящимся сердцем и ломотой в костях.

Была бы рядом жена, не дала бы выпить лишнего. Но жена осталась в городе, так что натянуть вожжи оказалось некому.

Третья порция определенно была лишней, но, как это частенько бывало, осознание этого факта пришло вместе с похмельем, которое с возрастом становилось все сильнее и мучительнее.

Не зажигая света, Рогов потянулся за стаканом воды, который с вечера оставил на тумбочке возле кровати, сделал несколько жадных глотков и прополоскал рот, безуспешно пытаясь избавиться от кислого привкуса.

Поставив стакан на место, Рогов снова лег, повернулся на правый бок и крепче зажмурился, надеясь, что сумеет снова заснуть, и как раз в этот момент услышал звук.

Кто-то кричал. Кажется, ребенок.

«Откуда здесь дети?»

Попытавшись убедить себя, что крик ему мерещится, Рогов натянул одеяло на голову. Не помогло: через минуту звук повторился, и был хотя и приглушенным, но вполне отчетливым.

Рогов зажег ночник и посмотрел на часы. Половина третьего ночи. Спать бы да спать, но как уснешь, когда башка раскалывается, точно в нее раскаленный прут воткнули, а возле дома кто-то вопит?

Кряхтя и постанывая, Рогов сел в кровати, спустил ноги на пол, нашарил тапочки. Затылок отозвался на все эти перемещения тупой болью.

Он поглядел в окно, но, понятное дело, ничего сквозь опущенные жалюзи не увидел. Рогов всегда зашторивал окна: детский страх, что кто-то может заглянуть в окно, стоя и смотреть на него, спящего, с годами так и не прошел, а в последнее время (*«Не думать об этом! Только не сейчас!»*) даже многократно усилился, поэтому Рогов не только здесь, в этом доме, но и в городской квартире, которая находилась на семнадцатом этаже, не мог заснуть, не задернув плотные занавески.

Жена посмеивалась над ним: ни один вор не станет перелезть через двухметровый забор, не сунется в дом при включенной сигнализации и понатыканных по всему периметру камерах, чтобы ограбить хозяев, а заодно полюбоваться в окно на спящего мужчину пятидесяти двух лет! Какому нормальному человеку это придет в голову?

Все верно. Все логично.

Только вот Рогов боялся вовсе не человека...

Выйдя из спальни, он двинулся по коридору. Дом у них огромный, но этаж всего один: у жены колени болят, ей тяжело подниматься по лестнице. Чтобы добраться до входной двери, нужно пройти по длинному коридору, миновать гостиную и столовую. Рогов везде включал свет, пока шел: терпеть не мог передвигаться в темноте.

Дом этот, несмотря на то, что был построен на совесть и оборудован всем необходимым, находился в дачном поселке и использовался именно как дача. Роговы приезжали сюда с апреля по сентябрь (иногда вместе, иногда – по отдельности, вот как сейчас), зимой почти не заглядывали.

Сейчас начало мая, сезон уже открыт, но в эти выходные было дождливо и холодно, поэтому мало кто из соседей сейчас здесь, в поселке. Когда Рогов ехал вечером, свет почти

нигде не горел, и при мысли о том, что он находится в безлюдном месте совсем один, ему стало не по себе.

В коридоре плач слышался намного отчетливее, и, хотя Рогов понял уже, что никакой это не ребенок, а просто кошка, все равно не повернул обратно: если она будет так блажить, заснуть не удастся, придется посмотреть, что случилось, может, застряла где-то. Заодно надо будет и на кухню зайти: стакан уже опустел, а пить все еще хочется.

«И день дурной, и ночь та еще», – раздраженно думал Рогов. Хорошо, что завтра воскресенье, на работу не нужно, можно поваляться в кровати, выспаться.

Вот она, дверь.

Кошка орала не переставая, и ее пронзительный, похожий на человеческий плач наводил на мысли о воплях банши, возвещающих о скорой смерти.

Нет, нервы точно пора лечить, подумалось Рогову. Сходить к доктору, пусть пропишет, что нужно: отвары какие-то успокоительные, пилюли, ванны – что там еще положено принимать, когда вздрагиваешь от каждого шороха и без снотворного спать нормально не можешь?

Рогов отключил сигнализацию, отпер замки и открыл дверь. На большой веранде зажглась лампочка (в темное время суток это происходило автоматически) и в желтом свете Рогов, наконец-то, увидел нарушительницу спокойствия.

Черно-белая пушистая кошка (хотя почему именно кошка? Возможно, это кот!) лежала на боку и мяукала, широко разевавая рот. Рогов подошел ближе, присел возле животного на корточки. Вроде бы нет никаких видимых повреждений: ни ран, ни крови.

– Ты чего кричишь? – спросил Рогов, точно она могла ответить.

Он коснулся рукой гладкого лоснящегося бока. Все-таки кошка, причем явно домашняя, ухоженная. Наверное, соседская. Рогов подумал, что видел ее прежде: очень уж узнаваемым было белое ухо и наполовину белый хвост.

Возможно, хозяева собрались уезжать в город, а она убежала погулять, вот они ее и оставили. Кошка вернулась – дом закрыт, есть нечего.

«Но почему она так кричит, словно ей больно? От голода, что ли?»

– Иди-ка сюда. Покормлю тебя.

Рогов, не без опасений, взял животное на руки: вдруг оцарапает или укусит? Но кошка не вырывалась, лежала на руках смирно, притихла, не кричала больше, только дышала тяжело и часто, как в сильную жару.

– Пойдем домой, я тебе молока дам. Повезло тебе, что я один сегодня.

Рогов поднялся на ноги и пошел в дом. У жены была аллергия на кошачью шерсть, поэтому кошек они не держали, хотя Рогов любил их. Когда был маленьким, жил с родителями, у них всегда были кошки и коты, и сейчас ему тоже хотелось, чтобы милый пушистик мурчал под боком, да и спокойнее было бы: кошки ведь видят нечистую силу и даже, говорят, отгоняют. (*«Хватит уже об этом! Сколько можно!»*) Но куда денешься, если жена при одном взгляде на кошек покрывается пятнами и начинает чихать и кашлять?

Прикрыв за собой дверь, Рогов подумал, что надо бы запереть замки и включить сигнализацию, но с кошкой на руках сделать это было сложно. Он решил, что принесет кошку на кухню, нальет ей молока, а потом вернется. Что может случиться за несколько минут?

Включив свет в кухне, Рогов опустил кошку на пол и открыл холодильник.

– Что тут у нас есть съедобного для тебя? – проговорил он, задумчиво обглядывая полки в поисках подходящей еды. – Колбасу любишь? Молоко? Что нам тут Галина купила?

У них с женой была помощница по хозяйству, которая покупала продукты, готовила и убирала квартиру и дачу.

Отрезав кусок колбасы, Рогов нарезал его на кусочки и положил в тарелку, налил в блюдце молока. Поставив угощение перед кошкой, он вспомнил про незапертую дверь и поспешил в коридор.

Особого беспокойства Рогов не испытывал, однако все же вздохнул с облегчением, когда повернул ключи в замках и набрал нужные цифры, включив сигнализацию.

– Вот теперь все в по... – начал было он, но фраза оборвалась на полуслове, потому что в этот миг погас свет.

В доме стало так темно, что Рогову на секунду показалось, будто он ослеп. Прижавшись спиной к стене, он заморгал и попытался успокоиться, хотя паника уже взяла его за горло ледяными пальцами.

«Оно здесь!» – всплыло в голове.

И словно в подтверждение откуда-то сбоку раздался шорох.

«Это кошка! Всего лишь глупая кошка», – постарался убедить себя Рогов.

Но почему электричество отключилось? Это только здесь, в доме, или во всем поселке? Если выбило пробки, то нужно выйти из дому, найти счетчик, а как это сделать без фонарика? Телефон остался в спальне, кухня ближе – там есть свечи и спички.

Мысли скакали в голове, как перепуганные зверьки в тесной клетке, и Рогов никак не мог решить, что делать дальше. Впрочем, стоять тут и трястись от страха было невыносимо, поэтому он двинулся в сторону кухни.

Шаря рукой по стене, он шел и шел вперед, прислушиваясь, всматриваясь во мрак, но ничего не видел и не слышал. Коридор показался куда длиннее, чем обычно: ему думалось, что он давно уже должен был оказаться в кухне, однако тот все не кончался, уводя Рогова за собой. Ему почудилось, что он вовсе не на даче, а там, в этом проклятом месте.

«Не надо было соглашаться», – в сотый раз тоскливо подумал Рогов, и отогнать мысль о случившемся в отеле уже не получилось.

Внезапно коридор кончился, рука наткнулась на дверной косяк. Рогов стоял на пороге кухни.

Шорох раздался снова, а вслед за ним – вздох и неясное бормотание. И это уже точно не могла быть кошка.

Рогов отчетливо понял, что сам себя загнал в ловушку. Зачем он притащился в кухню, если можно было открыть дверь и выскочить наружу? Пусть бы сигнализация сработала! Приехали бы полицейские, а он бы сказал, что услышал непонятные звуки. Люди в форме проверяли бы дом, задавали вопросы, говорили с ним, совершали привычные, рутинные действия, так что мир вокруг снова стал бы нормальным и обычным.

А вместо этого он стоит в темноте, наедине с чем-то неведомым, в пустом поселке, на помощь позвать некого и...

– И бесполезно. Никто тебе не поможет, – раздалось из темноты. В голосе (не разобрать, мужском или женском) звучала насмешка.

Головная боль, о которой Рогов позабыл с перепугу, навалилась с новой силой, вгрызаясь в черепную коробку острыми зубами. К ногам прикоснулось что-то мягкое, теплое, и Рогов, хотя и понимал, что это всего-навсего злополучная кошка, не в силах больше сдерживаться, завопил дурным голосом и шарахнулся в сторону, пнув животное.

Задрезбуждало опрокинутое блюдо, кошка зашипела, а потом снова принялась мяукать пронзительным, напоминающим детский, голосом.

– Уходи! – прошептал Рогов. – Хватит! Я не могу, не могу!

– Не можешь, – эхом отозвалось из мрака.

Голосов было уже несколько.

Рогов рванулся обратно в коридор. Кошка бросилась под ноги, он споткнулся, не удержавшись, и полетел на пол. Упал, больно ударившись коленями, но тут же поднялся на четвереньки, пытаясь отползти подальше. Рогов ничего перед собой не видел, ничего не соображал, чувствовал лишь, что нечто жуткое, ледяное надвигается на него, даже не особенно торопясь – зная, что ему не сбежать.

Он тихонько подвывал от ужаса, силился сказать что-то, но язык распух и не ворочался во рту. Перед глазами повисло алое марево. Головная боль стала невыносимой, что-то потекло по верхней губе – видимо кровь.

«У меня давление, – отрешенно подумал Рогов. – Я сейчас умру».

Он не мог подняться, ползти уже не мог тоже. Лежал и ждал неизбежного, понимая, что ему не спастись.

– Ты был прав, – прошелестело над ухом.

Шорохи, похожие на шелест птичьих крыльев, наполнили коридор. Кто-то шептал, окликал Рогова по имени, звал за собой, смеялся.

Как тогда...

Только в тот раз он сумел вырваться. И даже позволил себе не поверить.

– Ты прав, не стоило соглашаться. Мы не прощаем.

Боль в голове достигла апогея.

– Ты проклят. Навеки проклят.

Рогову хотелось только одного: пусть бы эта мука прекратилась. Поэтому, когда неведомая сила зажала его в тиски, лишив возможности дышать, и он полетел в безжизненную могильную темноту, Рогов был почти рад тому, что умирает.

Часть первая

Глава первая

Сегодня еженедельное совещание проводил Щеглов. Главный редактор, он же директор, был в отпуске и оставил Романа рулить вместо себя. Ничего удивительного: Щеглов работал в журнале со дня открытия, знал всю работу по выпуску издания от и до на всех этапах, и к тому же был человеком кристально честным и надежным.

– Тот редкий случай, когда название должности и характеристика полностью совпадают, – часто говаривал главред, имея в виду, что должность Щеглова называлась «ответственный секретарь».

Роману было чуть за тридцать, ни семьи, ни детей, вся жизнь – работа. Щеглов был отличный парень, они с Ильей дружили, их взгляды и жизненные ценности во многом совпадали. Это было хорошо, но слегка настораживало: выходит, и он, Илья, через десяток лет будет таким же одиноким, замкнутым на карьере?

Коллектив редакции небольшой – двадцать два человека, и все они сейчас сидели за овальным столом из светлого дерева: так было заведено, что раз в неделю все, от руководителей до уборщицы, собирались вместе.

Илья был самым молодым среди всех, работал в журнале второй год, пришел после окончания университета. Пока учился, подрабатывал в разных изданиях, в основном интернетных, и мечтал устроиться в «Скорость света» – крупнейшее, авторитетное печатное издание Быстрорецка.

Мечта сбылась, но, как часто бывает, горячо желаемое стало постепенно казаться рутинной, а потом – оборачиваться разочарованием. В последнее время Илья все чаще признавался себе, что ему не хватает свободы, поскольку за темы, которые ему хотелось освещать, браться было нельзя, слишком уж они острые, а то, о чем приходилось писать, казалось пресным и скучным.

Илья иногда порывался написать заявление об увольнении и отправиться в свободное плавание, но понимал, что пока не может себе этого позволить. Зарплата в журнале была хорошей, а на интересные темы писать можно и в Сети.

Совещание катилось по накатанной. Журчали голоса, шуршали бумаги. Уже обсудили обложку декабрьского номера и предложенные журналистами темы (Илье, например, предстояло писать о подготовке Быстрорецка к празднованию Нового года), теперь перешли к рекламному блоку.

Писать статьи на заказ Илья не любил, хотя, само собой, это было очень выгодно: плюс к обычной ставке за материал полагался еще процент от рекламного контракта, поэтому обычно журналисты брались за такие темы с большой охотой.

Но Илье, несмотря на очевидную выгоду, такие задания были не по душе. Хорошо, если рекламодатель попадался адекватный, и писать приходилось о стоящем предприятии, продукте или услуге. Однако чаще встречались капризные заказчики, с которыми было трудно работать: они топали ножкой, гнули пальцы, полагая, что за свои деньги могут требовать что угодно; вносили в текст бестолковые правки и заставляли верстальщиков по десять раз переделывать макет.

Впрочем, невзирая на нелюбовь, рекламные материалы удавались Илье лучше, чем другим: у него выходило писать так, что статьи были увлекательны, ненавязчивы и не похожи на «заказуху», а директора предприятий выглядели славными ребятами, как говорится, «с человеческим лицом».

Поэтому рекламодатели часто просили, чтобы над их статьей работал именно Илья, и тому приходилось писать больше подобных текстов, чем всем остальным. Это приносило деньги, а вместе с ними – скрытую (чаще всего) зависть коллег.

Декабрьский номер всегда был особенно урожайным на рекламу, желающих разместить статьи и модули – хоть отбавляй, и Илья, вполуха слушая руководителя коммерческого отдела Костю Калинина, лишь надеялся, что ему достанется что-то более или менее интересное, чтобы не пришлось писать через силу.

– И главное блюдо к нашему столу – «Петровский»! – возвестил Костя Калинин, выдержав театральную паузу.

– Тот самый? – спросила журналистка Люба Королева.

– Ага. Отель открывается к концу декабря, мне удалось раскрутить хозяина – внимание! – на четыре разворота плюс заднюю обложку! – Костя недовольно сдвинул брови, глянул на Щеглова и сказал: – Он, конечно, поначалу первую хотел...

– В Новый год всем только на эту сытую морду смотреть и охота, – вставил дизайнер-художник Вася Соловейчик. – Обойдется.

– ... но я его уговорил, – закончил Костя, игнорируя Васиные слова. – Причем, заметьте, за те же деньги! Сказал, что четвертая обложка ничем не хуже – собственно, это и правда. И, между прочим, какая бы ни была у Гусарова «морда», за счет него в том числе мы с вами получим премию на праздники.

– Ясно, ясно, – прервал вечную дискуссию между финансистами и творцами Роман. – Есть у них требования какие-то, пожелания?

– Как всегда. Чтобы не было похоже на откровенную рекламу. Но чтобы при этом народ прочитал и повалил в отель. Я Гусарову, хозяину, показал прошлые номера, ему понравились материалы Ильи.

– Значит, он и будет писать, – подвел итог Щеглов, и Илья ощутил испепеляющий взгляд Любы, который, кажется, прожег ему щеку. Еще бы – целых четыре разворота!

Других заказов ему не дали: Щеглов сказал, что нужно уделить «Петровскому» максимум внимания, чему Илья был рад. Остальные журналисты, и даже Люба, перестали коситься, оттаяли: работы хватило всем.

Совещание закончилось, все разошлись по своим углам. По новой моде все сотрудники (кроме главного редактора и бухгалтеров, у которых были отдельные кабинеты) сидели в одном большом помещении, отделенные друг от друга перегородками.

Шеф заботился о том, чтобы подчиненным было комфортно, а все нужное находилось под рукой. У каждого был большой стол с тумбами, компьютер, крутящийся стул с высокой спинкой, телефон (один номер на троих, но ничего, не страшно).

С внутренней стороны перегородки Илья повесил календарь, а еще постоянно прикреплял гвоздиками с разноцветными шляпками листки с напоминаниями, важные телефонные номера, заметки для статей, фотографии, запомнившиеся цитаты и прочее. В результате там, где у других висели красивые картинки и грамоты, у Ильи красовался пестрый разномастный бумажный ковер.

Калинин заглянул к Илье и важно сказал:

– Я этот проект сам веду, так что давай... Все должно быть на уровне.

Костя был неплохой человек, только с чувством собственной значимости слегка перегибал. Но к этому все давно привыкли.

– Когда идем на интервью? – спросил Илья и поправил очки.

Недавно купил новые, дорожные, на леске, без оправы. Как сказал лучший друг Ильи Миша Матвеев, в них он был похож на Джона Леннона. Так ли это, вопрос спорный, а вот переносице из-за них было щекотно – это факт. Илья надеялся, что привыкнет, и раздражающее чувство пройдет.

– Предварительно договорились на четверг. Втроем поедem, фотографа возьмем. Времени полно, успеем все спокойно согласовать. Гусаров этот – мужик вроде нормальный. В общем, готовься.

– Всегда готов, – покладисто согласился Илья. На том и расстались.

На интервью он всегда шел во всеоружии: собирал всю информацию, какую только мог отыскать. Давно усвоил: если придешь с пустой головой, ничего не узнав о том, с кем собираешься беседовать, то нужных вопросов не задашь, никакой информации не соберешь.

Люди в большинстве своем не способны толком рассказать о себе (даже если им есть, о чем поведать миру). Их нужно заставить раскрыться, задавая интересные вопросы, на которые человеку захочется отвечать. Если же придешь и попросишь: «Расскажите о своем предприятии», то получишь в ответ сухую сводку, и как потом статью писать?

Илья старался своих героев полюбить, найти в каждом что-то особенное, уникальное, только тогда статья получалась душевной, личностной. А сделать это можно было, только узнав «объект» получше.

Открыв браузер, он ввел в поисковую строку имя своего нового героя. Гугл послушно выдал больше десятка ссылок. Гусаров Владимир Иванович 1966-го года рождения оказался «владельцем заводов, газет, пароходов». Бизнесом занялся в девяностые, переквалифицировавшись из химика-технолога в успешного ресторатора. В настоящее время ему принадлежала сеть кофеен «Гусары», ресторан «Гусарская баллада», так называемый «Бутик быстрого питания «Gusar» и одноименная служба доставки готовой еды.

Такое впечатление, подумалось Илье, что весь Быстрорецк питается в заведениях этого Гусарова.

В ресторанах обедать и ужинать ему было не по карману, а вот в кофейню они с Мишей частенько ходили. Да и «Бутики» эти в каждом районе понатыканы – и народу там всегда полно. Так что, судя по всему, Гусаров не бедствовал, и новый отель «Петровский», что высился в самом центре города, купил явно не на последние.

Пресса писала о нем немало, но довольно однотипно, чаще журналисты попросту переписывали друг друга, а посему ничего занимательного Илье узнать не удалось. Так, базовые сведения: где родился, учился, когда женился. Кстати, жена у него (вполне ожидаемо) была вторая, моложе Владимира Ивановича на двадцать с лишним лет. История, похоже, банальная: подруга жизни, с которой вместе прошли огонь и воду, нищету и лишения, поистрепалась в жизненных битвах, и ее сменили на более молодой экземпляр.

«Да, негусто», – подумал Илья и тут вспомнил, что можно расспросить про Гусарова у Лели. Она ведь племянница Володина, крупного чиновника мэрии, так что может знать Владимира Ивановича.

Он взялся за телефон, отыскивая нужный номер. Встречались они не так часто – Леля постоянно была занята учебой, ей предстояло весной защищать диплом. Хотя, если честно, у Ильи было другое мнение насчет того, почему она часто отговаривалась от совместных встреч и посиделок, которые летом были такими частыми. Однако он предпочитал не высказывать свои соображения вслух и делал вид, что верит в вечную Лелину занятость.

– Привет, – сказал он. – Можешь говорить?

Поначалу, когда они только познакомились (при весьма необычных обстоятельствах), Илья всегда испытывал в ее присутствии скованность, но со временем это прошло. Леля была порой непредсказуема, иногда – резковата, но неизменно честна и открыта.

– Запросто, – откликнулась она. – Что такое?

– Ты знаешь Гусарова? – с места в карьер спросил Илья. – Я о нем статью пишу.

– Ресторатора? Так, шапочно. Видела несколько раз. С дядей к нему в ресторан ходили, на всяких мероприятиях пересекались. Кстати, дядя как раз в «Гусарской балладе» отмечал

юбилей, на котором мы с Мишей встретились (*подробнее читайте в романе «Узел смерти» – примеч. ред*). У него все с гусарами связано, везде свою фамилию вставляет.

– Это я заметил. А что он за человек, можешь сказать?

Леля помолчала немного.

– Мне кажется, он нормальный. Не противный, во всяком случае. Вроде даже на порядочного похож, хотя настолько богатые редко такими бывают. Денег у него как грязи. Жену свою, говорят, очень любил, она умерла как-то нелепо. Подавилась, что ли, или током ее убило, что-то такое, дядя говорил, но я не помню. Детей у них не было. Он потом долго один был, все работал, работал...

Надо же, оказывается, с первой женой Гусаров не разводился. Сломал, выходит, систему.

– Где-то год назад женился, с женой его я не знакома. – Леля вздохнула. – Не знаю, что еще тебе рассказать. Как будто вертится что-то в голове, но не помню.

– Хватит, – улыбнулся Илья. – Сам еще покопаюсь. Как ты?

– Нормально все, – небрежно ответила Леля. – Ничего нового.

– Мы завтра вечером с Мишей хотели сходить куда-нибудь. Может, в гусаровский общепит. Придешь?

– Пока не знаю, как со временем, – уклончиво ответила Леля. – Может быть.

Ничего другого Илья не ждал. А повесив трубку, с грустью подумал о том, как много придумано средств для коммуникации, как много всевозможных способов общения на расстоянии – и как мало от них толку. Все равно остается недосказанность, да и расстояния между людьми только ширятся, порой превращаясь в пропасти.

Глава вторая

Вопреки подозрениям Ильи, Леля все же пришла в кафе. Точнее, в одну из кофейен «Гусары», где они встретились вчетвером.

Илье здесь нравилось. В отличие от пафосного, претенциозного ресторана «Гусарская баллада», одного из самых дорогих заведений Быстрорецка, тут было мило и уютно.

Официанты были наряжены в подобие гусарской формы, на стенах висели картины и стилизованные под старину фотографии бравых гусар, столы были из темного дерева, стулья – с высокими резными спинками. Может, все это исторически и не слишком точно, но все же красиво. Да и цены тут не кусались, а еда была вкусная.

Когда Илья с Томочкой пришли, Миша и Леля уже сидели за столиком и о чем-то тихо говорили. Илья видел на парковке Мишину машину, а вот Лелиной не было, и он спросил себя, приехали они вместе или же Леля предпочла добираться на такси или метро?

– Привет! Мы немножко опоздали! – сказала Томочка, усаживаясь рядом с Лелей.

Илья с Мишей пожали друг другу руки.

Кажется, Миша был не в настроении, хотя и пытался не подавать виду. Только от Ильи скрывать бесполезно: они дружили с первого класса, считали друг друга не просто друзьями, а братьями.

Леля тоже выглядела немного взвинченной, и Илья решил, что, пока их с Томочкой не было, между Мишей и Лелей что-то произошло. Поссорились, может быть?

Причина выяснилась скоро.

– Я в пятницу уезжаю, – объявила Леля. – В Москву.

– Ух ты! Надолго? – спросила Томочка.

– После Нового года вернусь. Почти три месяца.

– У тебя же вроде преддипломная практика должна быть, – заметил Илья.

Теперь он понимал, почему Миша расстроен: видимо, Леля сказала ему об этом, пока их не было.

– Это она и будет. – Леля училась на архитектора. – Дядя с матерью считают, что лучше мне пройти ее в Москве. Там у дяди знакомые в крупном проектном бюро.

Она говорила небрежно, вертела в руке стакан с водой, но Илья видел, что Леля волнуется.

– Дядя с мамой считают, значит, – нарочито спокойно проговорил Миша. – С каких пор ты так прислушиваешься к родственникам?

Леля вспыхнула.

– Они ведь не обязательно всегда должны быть неправы! Что за детский сад! Это важно для меня, это полезный опыт, и я вообще не понимаю, почему ты так реагируешь? Что такого, если...

– Вы уже готовы сделать заказ? – спросил подошедший официант, и Илья мысленно поблагодарил его за своевременное появление. А иначе могла разгореться очередная ссора, которые все чаще вспыхивали между Мишей и Лелей.

Пока решали, что есть; пока обсуждали, брать ли вино или лучше пиво, хотя на улице и холодно; пока ждали, когда Томочка определится с выбором между салатом и жульеном («То и другое в меня не влезет, я же еще мороженое хочу!»), градус напряжения снизился.

Официант ушел, и Илья, чтобы не возвращаться к опасной теме Лелиного отъезда, поспешно сказал:

– Между прочим, я статью буду писать про Гусарова. Леля уже знает.

– А кто это такой? – спросила Томочка и тут же догадалась: – Владелец кафе, да?

– Ага. Он купил отель «Петровский», заказал у нас рекламу.

– Реклама ему точно понадобится, – задумчиво протянула Леля. – Хотя он прожженный. Знает, что делает. Да и в любом случае не на местных рассчитывает, а на туристов.

– А что, с отелем что-то не так? – Илья с любопытством посмотрел на Лелю.

Он еще толком не успел собрать информацию: пришлось пока заниматься статьей про городские елки.

– А ты не знаешь? – Томочка посмотрела куда-то вбок. – Ой, наш заказ!

Им принесли высокие стаканы с пивом, салаты и Томочкин жульен. Официант ловко расставил тарелки и скрылся.

– Так что там с отелем? – поторопил Илья Томочку.

– Весной целый скандал был, ты не помнишь? – вместо нее ответила Леля и осеклась.

Прошлая весна оказалась самой страшной в жизни Ильи. Неудивительно, что он не помнил каких-то событий. Многое прошло мимо него, время с марта по июнь практически выпало из памяти, да и потом он не сразу восстановился, долго приходил в себя. Встреча с жутким потусторонним существом едва не погубила Илью, и, если бы не Миша, а также Леля и Томочка, он не сидел бы здесь (*подробнее читайте в романе «Узел смерти» – примеч. ред.*).

– Прости, я...

– Брось, – отмахнулся Илья. – Какой скандал?

– Отель «Петровский» построен на месте больницы. Точнее, здание осталось то же, просто его переоборудовали под гостиничные нужды, – пояснил Миша.

В голове у Ильи щелкнуло. То-то название все время казалось знакомым! Как же он сразу не догадался!

Петровская больница была одной из старейших в Быстрорецке. Располагалась она в центральной части города, на высоком холме, и была окружена большим парком. Однажды маму Ильи положили туда с воспалением желчного пузыря, и он навещал ее там. Они гуляли по широким дорожкам, то и дело встречая мужчин в казенных полосатых пижамах и женщин в халатах. По парку были разбросаны беседки: в одних сидели больные и навестившие их родственники, в других пациенты больницы играли в домино и шахматы.

Красивое старинное здание в три этажа с высокими стрельчатыми окнами, живописными арками, балконами считалось одной из городских достопримечательностей. Кому могло прийти в голову разместить там отель?

Впрочем, понятно, кому. Владимиру Гусарову.

– Я, честно говоря, понятия не имел, что больницу закрыли. Думал, она все еще работает, – признался Илья.

– Она и работала до прошлого года. Или позапрошлого, точно не помню, – сказала Леля.

– А потом признали, что состояние аварийное, закрыли. – Миша ловко подцепил вилкой маринованный гриб и отправил его в рот. – Все думали, что больницу отремонтируют, но вместо этого оказалось, что весной состоялись торги, и она с городского баланса перешла частному лицу.

– Когда ты меня про Гусарова спрашивал, я и забыла, что это он выкупил здание. Говорила же, что вертится что-то в памяти. – Леля посмотрела на Илью, и он опять, в который уже раз, подумал, что никогда ни у кого не видел таких ярких синих глаз. Поначалу он даже думал, что это цветные линзы. – Выкупил – и решил превратить в гостиницу. Надо же было додуматься!

– Почитаю завтра, – сказал Илья. – Спасибо за наводку.

В рекламную статью всего этого не вставишь, но Гусарова расспросить не помешает. Он станет объяснять, что к чему, это выведет его на эмоции – а такие ситуации раскрывают человека.

– Даже пикеты, митинги были, – сказал Миша. – Правда, не сильно многочисленные, но все равно. Народ протестовал.

– Еще бы не протестовать, – заметила Томочка. – Сакральное место. Это все равно, что на кладбище кабак построить. Люди болели, страдали, умирали. В Петровской больнице ведь и городской морг был. – Она нахмурилась. – Там бабушка моя умерла. Ее по скорой увезли и... не спасли.

Родители Томочки умерли давно, бабушка воспитывала ее с ранних лет, и они были очень близки.

– Странно, зачем Гусарову именно больница понадобилась. Понятно, что центр, красота и все такое, но и в центре нашлось бы, из чего выбрать, полно старинных зданий, если уж это было принципиально, – сказал Илья.

– А еще страннее то, как Гусарову удалось выкупить историческое здание, которое наверняка признано памятником. – Миша посмотрел на Лелю, но та не подняла глаз. То ли сделала вид, что не замечает его взгляда, то ли в самом деле не видела и никак не прокомментировала эти слова.

Да и что она могла сказать? Не Леля же за всем этим стояла. Даже если предположить, что без взятки кому-то в мэрии или исполкоме не обошлось.

Тема как-то сама собой увяла, больше они к ней не возвращались. Официант принес горячее, и, пока ели, говорили о чем-то мелком, неважном. За столом ощущалось напряжение, которого прежде между ними никогда не было.

Илья помнил, как после того, что случилось весной, они вчетвером ощущали себя сплоченными, настоящей командой. Пережитый ужас сблизил их, каждому хотелось находиться в компании друзей, с которыми довелось пережить страшные минуты. Они проводили вместе выходные, ездили летом на природу, даже целую неделю отдыхали на реке Быстрой – снимали домики.

А потом все постепенно стало увядать. Нет, с Мишей они ничуть не отдалились – их дружбу ничто не могло пошатнуть, но вот времяпрепровождение вчетвером становилось тягостным. Недоговоренность, неопределенность в отношениях все портила, а преодолеть ее не получалось.

Их столик находился в глубине зала, возле окна. Илья посмотрел на улицу: там было темно, шел дождь, и по стеклу ползли капли. На душе вдруг стало тоскливо, как от дурного предчувствия, и, чтобы прогнать это ощущение, он сделал глоток пива и повернулся к Мише, задал первый пришедший на ум вопрос.

Еда закончилась, часы показывали девятый час – пора было собираться. Девушки ушли в дамскую комнату, Миша проводил их взглядом и сказал:

– Мне кажется, она не вернется. В смысле, не из туалета, а из Москвы.

– С чего ты взял? – удивился Илья. – Ей же еще диплом защищать, госы сдавать.

– Приедет, защитит, сдаст и обратно. Видишь, ее чертов дядя уже и местечко племяннице присмотрел. Кому захочется из столицы в захолустье уезжать?

– Ты уж не перегибай. Быстрорецк не захолустье, город-миллионник, тут у нее квартира и тоже перспективы отличные. Не все в столицу стремятся. Так что не факт. – Илья помолчал немного, думая, как получше сформулировать свою мысль. – Мне кажется, Леля не выгоду ищет, а бежит от тебя. – Он поймал Мишин недоумевающий взгляд и пояснил: – Всем понятно, что вас тянет друг к другу, но вы зачем-то это скрываете и шарахаетесь...

– Не я шарахаюсь, а она, – мрачно поправил Миша.

– Вот именно. Ей что-то мешает. По-моему, Леля хочет сделать перерыв и разобраться в себе.

– Здесь она не может разбираться? Надо обязательно в Москву рвануть?

– «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии». Есенин сказал, не я, – пожал плечами Илья. – Не переживай. Все наладится.

– Думаешь? – Мише, похоже, пришлось по душе доводы Ильи.

– Вот увидишь.

Девушки возвращались обратно. Какие они все же разные!

Томочка (никто не звал ее иначе) была маленькая, но фигуристая, напоминающая куклу Барби, которую только что достали из коробки: губки бантиком, широко распахнутые большие глаза, локоны, платье с пояском. Многие не воспринимали Томочку всерьез, но Илья знал, что за кукольной внешностью скрывается цельная и сильная натура.

В высокой синеглазой худощавой Леле было то, что принято называть породой. Она выглядела так, как ей хотелось в данную минуту: могла стать роковой красавицей, а могла вдруг оказаться похожей на строгую и скромную учительницу начальных классов. Но даже в обычных джинсах, свитере и при почти полном отсутствии косметики (вот как сейчас), Леля никогда не оставалась незамеченной.

Илья видел, как Миша смотрит на девушку, и точно знал, что ни на одну из своих многочисленных прежних пассий (Матвеев со старших классов считался красавчиком и пожирателем сердец) он так не смотрел. Илье хотелось бы что-то посоветовать другу, сказать, как ему лучше поступить, чтобы их с Лелей отношения перестали буксовать на месте, но он понимал, что в таких делах советы бессмысленны: каждый набивает собственные шишки.

Глава третья

– Костян, ты чего кислый такой? Илюха, сидишь, молчишь, как сыч!

– Вопросы просматриваю, раньше не успел, – соврал Илья.

Калинин промолчал, делая вид, что увлечен дорогой, хотя они уже несколько минут стояли в пробке.

В машине было нечем дышать: кондиционер сломался, окошко не открыть из-за сильного дождя, а от фотографа Шафранова всегда неприятно пахло. Он, похоже, принципиально игнорировал душ, мыло и дезодоранты, предпочитая перебивать аромат немытого тела литрами дешевого одеколона.

Снимал Шафранов классно, лучше других внештатников: умел ловить момент, передавать самую соль происходящего, а люди на его портретах получались красивее, ярче, как-то симпатичнее и значительнее, чем в реальной жизни. Однако на дорогие рекламные съемки приглашать его Калинин не любил: клиенты морщились и были недовольны. Шафранов обижался, что его редко зовут заработать, но человека, который внятно объяснил бы ему причину, не находилось.

Сейчас они ехали на интервью к Гусарову. Шафранов был рад: обложка да плюс снимки на развороты! Илья знал, что Костя хотел взять другого человека, но тот некстати заболел.

Шафранов сидел на заднем сиденье: вертелся на месте, отпускал нелепые шуточки, пытался растормошить Илью и Костю. Те отмалчивались, старались не делать глубоких вдохов и молились о том, чтобы быстрее добраться до места.

Встреча была не в отеле, а в офисе, хотя Илья предпочел бы взглянуть, во что превратили Петровскую больницу. Но хозяин – барин, как известно. Отель еще не открыли, фотографии внутренних интерьеров Гусаров обещал прислать в редакцию позже, а с внешней стороны Шафранов должен был пойти снимать в другой день, когда дождя не будет.

Гусаров назначил им на десять. Опаздывать было не с руки, но часы показывали уже половину десятого, а ехать еще далеко.

– Я снимал, как люди бастовали против этого отеля, – сказал Шафранов, все еще рассчитывая втянуть попутчиков в разговор. – Одна бабулька прямо рыдала.

Илья, как и планировал, почитал о весенних протестах против переделки больницы в гостиницу. В другой стране, возможно, народный гнев и остановил бы реконструкцию, но в данном случае ничего не помогло. То ли мало протестовали, то ли быстро задавили в зародыше нарастающий протест, то ли была еще какая-то причина, но только волнения быстро переместились с улиц в интернет, да так и затихли, запутавшись в соцсетях.

– Я не видел твоих снимков, – заметил Илья. – Может, смотрел плохо. Где они публиковались?

– Нормально ты смотрел. Их не взяли ни в одно издание, а куда я только не предлагал! Никому не надо, видишь ли. Ну, в итоге выложил у себя в Фейсбуке, народ пошумел, повозмущался, а что сделаешь? Плетью обуха не перешибешь, как говорится. Известное дело, у кого бабло, тот и прав.

– Ты только свои революционные идеи при Гусарове не задвигай, – предупредил Костя. – Молча снимай и все.

Шафранов вздохнул, но ничего не возразил.

Пробка, к счастью, рассосалась, и на место они прибыли вовремя, минута в минуту.

Офис располагался не в одном из бизнес-центров, а в отдельно стоящем здании, на тихой улочке в центральной части Быстрорецка. Здание, кстати, опять-таки старинное, отреставрированное и осовремененное. Похоже, это был пункт Гусарова. А уж каких денег стоило обособиться здесь, можно было только догадываться.

У входа их встретила вертлявая барышня с несмываемой улыбкой, которая представилась администратором Олесей. Выдала бейджи, проводила к лифту, довела до приемной генерального и сдала с рук на руки секретарше. Та была полной противоположностью Олесе: сурового вида немолодая дама со сдержанными манерами и сжатыми в нитку губами.

Гостям предложили снять верхнюю одежду и присесть на кожаный диван. После недолгого ожидания двери в обитель Гусарова отворились и журналистам было позволено войти. Илье все это было знакомо: на подобные встречи он ездил десятки раз. Он ничуть не волновался, понимая, что справится.

Шафранов тоже был спокоен: расчехлил фотоаппарат, осматривался кругом цепким внимательным взглядом. И только Костя немного нервничал: все же деньги на кону были немалые, он боялся, что что-то может пойти не так, и то и дело недовольно косился на не в меру пахучего Шафранова.

Интервью шло уже около часа, когда Илья спросил Гусарова о том, почему он выбрал для своего отеля здание бывшей больницы.

Они расположились в удобных креслах за столом для заседаний, на котором стояли принесенные строгой секретаршей бутылочки с минеральной водой, чашки с чаем и кофе, вазочки с печеньем и подмигивал желтым глазом диктофон Ильи.

Гусаров напоминал Карабаса-Барабаса или разбойника с большой дороги: густая черная борода, косматые брови, пронзительные темно-карие глаза, кривой нос, лысый череп. Только серьги в ухе не хватало. Одет он был в вельветовые брюки и темно-синий свитер с высоким горлом – как сам пояснил, терпеть не мог галстуков и костюмов.

Повертев на пальце толстое обручальное кольцо, Гусаров подозрительно глянул на Илью и ответил:

– Видите ли, мне нравятся здания с историей, построенные до наступления двадцатого века. – Говорил он медленно, тщательно подбирая слова, как будто постоянно боялся сболтнуть лишнего. Впрочем, почему же «как будто»? – Вы, конечно, обратили внимание, что и офис мой расположен не в современном доме. Я отношусь к реставрации бережно, делаю ремонт крайне осторожно и никогда не нарушаю первоначальный, исконный вид зданий. Современные постройки часто тоже хороши, функциональны, приспособлены под нынешние нужды, но в них нет...

Гусаров замялся, и Илья думал, что он скажет затасканное «души», но тот нашел иное слово:

– ... стиля. Класа. Они могут быть красивы, но все равно это дворняжки без роду без племени.

– Интересный подход, – улыбнулся Илья. – Думаю, большинство архитекторов поспорило бы с вами.

– Возможно. У стен есть память, которую они проносят сквозь десятилетия и даже века. У новых зданий ее нет и быть не может.

– И вот тут мы подходим к следующему вопросу. Если вы верите в эту историческую память, то зачем решили сделать из больницы отель? Тем более что многие горожане были против. Где же тут бережный подход, о котором вы говорили?

Хозяин кабинета свел брови к переносице – вопрос его явно задел. Калинин кашлянул, покосившись на Илью, и поспешно проговорил:

– Это в статью не войдет, если вы не захотите. Мы все отредактируем по вашему желанию!

Гусаров пожевал губами.

– Извините, но я как раз думаю, что стоит затронуть этот момент, – мягко проговорил Илья. – Если у кого-то осталось непонимание или вопросы, это хороший шанс все объяснить именно в той тональности, какая вам будет нужна.

Ресторатор взглянул на Илью с новым интересом, как будто впервые увидел.

– Парень прав! – Он сцепил руки в замок и качнул головой. – Можем объяснить, если кому не понятно. Были моменты, о которых неизвестно широкой публике. Здание Петровской больницы находилось в аварийном состоянии, в городском бюджете не было денег на реставрацию и восстановление. Вариантов было два: снести или оставить медленно ветшать и разрушаться. Вот интересно, захотели бы те, кто горячо протестовали против отеля, выложить из своих карманов деньги на восстановление? Согласились бы на дополнительный налог? Полагаю, ответ очевиден. А здание сохранить в том виде, в каком оно было построено, хотелось всем. И что же делает плохой, злой Гусаров? Выкладывает из собственного кармана миллионы, выкупает здание, пополнив тем самым городскую казну, а потом на собственные деньги проводит реставрационные работы. В результате исторический вид здания сохранен – всем на радость. Да, изменилась функция – теперь это не больница. Но все же, в сухом остатке, что важнее: сохранить здание, спасти его от гибели и разрушения, или оставить умирать, но не дать разместить в нем что-то, кроме лечебного учреждения?

Гусаров говорил гладко и чрезвычайно убедительно, но Илья чувствовал в его словах подвох, просто не мог понять, в чем он заключается. Спорить с ним, конечно, не стал, сделал вид, что принимает и соглашается.

Было и еще кое-что. Отвечая на острый вопрос, Гусаров впервые проявлял истинные эмоции, которые ему, кажется, было сложно держать под контролем. До этого он говорил гладко, рассказывал о своей жизни, работе, о том, почему решил заняться не только ресторанным, но и гостиничным бизнесом, правильными, заученными, гладкими фразами; даже шутил вроде бы и остроумно, но не спонтанно, а продуманно.

Тут же наружу пробилось живое, непосредственное чувство – то, чего Илья и ждал. Только вот ему показалось, что в интонациях появилось нечто напоминающее отчаяние, растерянность, словно Гусаров не Илью убеждал, а сам себя. Только вот в чем? В том, что купить здание не было ошибкой?

– Туристы уже начали бронировать места в отеле, – говорил тем временем Гусаров. – Первые наши гости заедут в декабре, кроме того, мы планируем устроить новогоднюю вечеринку с приглашением большого количества именитых гостей, популярных в нашем городе людей. Сейчас в «Петровском» уже заканчиваются отделочные работы, и к услугам...

Расписывая услуги для постояльцев, говоря о всевозможных «фишках» и «новациях». Гусаров успокоился, обрел почву под ногами и вновь заговорил в привычном темпе, принялся жонглировать круглыми гладкими фразами.

То, о чем он вещал, было уже не столь интересно, поэтому Илья особо не вслушивался – диктофон все равно все запишет. Он думал о том, что же так нервировало Гусарова. Неужели его мучила совесть? Или то были муки сожаления? Спросить бы... Но, поскольку материал был платный, неудобных вопросов задать больше не получится: Гусаров не захочет отвечать, да и Костя сверлит глазами.

Когда они выходили из здания, дождь усилился.

«Так и будет теперь – серо, слякотно, промозгло, пока зима не наступит», – подумал Илья, в который раз обещая себе, что когда-нибудь переедет в южный, а лучше – в приморский город.

– Я на метро пойду, – сказал Шафранов, – мне отсюда две станции до дома.

Костя и Илья втайне порадовались и распрощались с фотографом.

В машине еще пахло ядреным запахом не мог так быстро выветриться, и Костя на некоторое время придержал дверцу открытой.

– Хороший парень, талантливый, но кто бы ему рассказал о гигиене! – вздохнул Костя.

А Илья подумал, что как в салоне автомобиля витал отголосок неприятного запаха, так во всей этой истории («Истории? О чем это ты?») с отелем «Петровский» тоже чувствовался какой-то душок.

Что-то было не то, а что, Илья не мог понять. Да и надо ли разбираться?

Глава четвертая

Гром грянул в пятницу, как раз на следующий день после интервью с Гусаровым. Именно в пятницу уехала Леля, так что Илья собирался пойти к Мише, поддержать, поговорить.

Только вот выяснилось, что поддержка не мешает и ему самому.

– Как ты? Чем занят? – спросила Томочка, когда Илья ответил на ее звонок.

– Статью пишу. Коммерческую.

Илья был еще в самом начале пути: расшифровывал запись вчерашнего разговора. Можно было сразу, при помощи программы, перевести звук в текст, и все появилось бы на экране, но он чаще всего предпочитал действовать иначе: наушники в уши – и пишешь «диктант». Это помогало заново осмыслить сказанное, вслушаться в интонации. Времени уходило больше, но результат того стоил.

– Бедный, – посочувствовала Томочка. Она знала о его нелюбви к таким текстам. – А я хотела тебя на обед позвать. Уже ведь два часа. Ты не обедал?

– Нет. Как-то и забыл, хотел попозже...

– Я уже подхожу к вашему зданию, – перебила девушка. – Можно подняться?

Отказываться было неудобно. Тем более что прежде Томочка никогда не приходила к нему на работу.

– Да, конечно, – без особого энтузиазма ответил он. – Я сейчас позвоню, чтобы тебя пропустили.

– Отлично!

– А как ты тут оказалась? – запоздало спросил он, вспомнив, что Томочка работает далеко отсюда.

– Мимо проходила, – ответила она, – оказалась в ваших краях. По делам.

Спустя минут пять Томочка уже вошла в большой зал, где сидели сотрудники. Солнечно улыбаясь всем, прошла к Илье в закуток, уселась на стул.

– Заканчивай, я подожду, – сказала она, поправляя прическу. – Хорошо, что дождя нет.

Илья, который не мог работать, когда кто-то стоял над душой, убрал диктофон и блокноты, выключил компьютер.

– Все, можем идти.

Томочка поднялась со стула, и тут в проеме возник Рома Щеглов.

– Добрый день, – поздоровалась Томочка.

Тот смотрел на девушку во все глаза, и взгляд был слегка ошалевшим, точно он не до конца понимал, кто перед ним.

Похоже, Томочка произвела на Щеглова впечатление, отметил про себя Илья, чувствуя, что это почему-то его рассердило.

– Я пообедать схожу, – резковато сказал он.

– Конечно, – спохватился Роман и протянул Томочке руку. – Я Роман, тоже здесь работаю.

Илья подумал, что должен бы представить их друг другу и сказал:

– Рома, это Томочка... – И она, и он смотрели на него, ожидая, что еще он скажет, как отрекомендует ее. – Моя соседка.

Илья договаривал фразу, уже чувствуя, что атмосфера вокруг него стала другой. Бывает так иногда: ляпнешь что-то непоправимо глупое, и изменить ничего нельзя. Да и не знаешь, как.

Роман заулыбался иначе, словно бы с новой радостью.

А Томочка... Томочка подхватила свою сумку и вышла. Илья поспешил за ней. Они шли гуськом, обходя другие закутки, а люди поднимали головы и смотрели им вслед.

Возле лифта Илья спросил:

– Куда мы пойдем? Тут есть одно кафе...

– Неважно, куда.

Томочка снова его перебила. Глаза ее блестели ярче обычного.

Двери лифта расползлись в стороны, и они шагнули внутрь.

– Кажется, ты понравилась нашему Роме, – неуклюже проговорил Илья. – Очень хорошо выглядишь.

Томочка помотала головой, усмехнулась и сказала с непривычной злостью в голосе:

– Выгляжу как обычно. Ты просто не замечаешь.

Дальше ехали молча, и так же молча дошли до кафе, где обычно обедали многие сотрудники окрестных офисов. Сейчас там было пусто: обеденный перерыв давно закончился.

Томочка прошла через весь зал и села за дальний столик.

– Тут самообслуживание, – сказал Илья. – Что тебе принести?

– Я не голодна, – проговорила она, уставившись на поверхность стола.

– Но ты же... – Илья вздохнул и сел напротив девушки. – Томочка, что случилось? Я тебя обидел чем-то?

Она подняла на него глаза, и он увидел, что они полны слез. Потому так и блестели.

– Соседка, – проговорила она. – Вот кто я тебе.

– Послушай, я же...

– Нет, – она вскинула ладони кверху. – Это ты меня послушай. По-твоему, я слепая или просто дура? Знаю, что ты думаешь обо мне: восторженная идиотка, наивная и смешная, душа нараспашку, без царя в голове – что еще? – Томочка смахнула с глаз слезы. – Когда ты переехал в наш дом, я сразу голову потеряла. Сколько лет – а ничего не меняется. Мне не стыдно об этом сказать! Чего уж там, все равно все знают: ты, Миша, Леля. Как влюбилась в тебя четыре года назад, так и люблю до сих пор.

Илья сидел, не зная, что сказать, чувствуя себя полным кретином. Они никогда не заговаривали с Томочкой на эту тему, хотя она была права: разумеется, он знал о ее чувствах. Знал, но сейчас, когда она впервые открыто сказала об этом, призналась ему в любви, он испытывал настоящий шквал эмоций, в которых не мог разобраться.

Никогда прежде ни одна девушка не говорила ему таких слов, и он не понимал, как себя вести, потому молчал. Томочка же, не дождавшись ответа, продолжила:

– Все видят, что я за тобой хожу хвостом. Я сначала надеялась, что ты со временем разглядишь меня, узнаешь получше и, может, я тоже тебе понравлюсь, но...

– Томочка, ты мне очень нравишься!

– Я уже поняла, – сухо бросила она. – Я прекрасная соседка. Не перебивай, пожалуйста. Потом были те события весной, и мы вроде как все сблизились. Я-то, дура, радовалась: вот он, мой звездный час! Надо отдать тебе должное, ты целых полгода успешно отбивал все подачи, уклонялся от моей совершенно не нужной тебе любви. Хорошенькое дело!

Она ударила ладонями о стол, и девушка на раздаче повернула голову, настороженно глядя в их сторону.

– Надо же, я только сейчас ясно осознала, какая это была унижительная ситуация: ты из благодарности терпел меня, не желая обидеть, а я все ждала и надеялась. Я думала, мы встречаемся, а ты не знал, как мне половчее сказать, чтобы я от тебя отстала.

– Неправда! – возмутился Илья. – Никогда я так не думал!

– Да? Серьезно? А что же ты Роме этому не сказал, что я твоя девушка, когда увидел, что он на меня запал? Почему не сказал, чтобы не раскатывал губу?

Ответить на это было нечего, и Илья без слов смотрел на Томочку.

Она умолкла и тяжело дышала, как будто долго бежала куда-то, и дыхание ее сбилось от быстрого бега.

– Я не случайно сюда пришла сегодня, – тихо проговорила Томочка. – Собралась домой после работы, но до дому не дошла, а решила: надо все выяснить, не могу так больше. Поехала к тебе. Хотела спросить напрямую. А вышло так, что и спрашивать ничего не пришлось.

Илья понимал, как ей больно, и остро чувствовал ее обиду. И еще что-то чувствовал, но не мог разобраться в себе и понять что.

– Ты меня врасплох застала. Это даже нечестно. Томочка, все не так. Совсем не так.

Она подняла голову и посмотрела прямо ему в глаза.

– Что же тут «не так»? Может, ты скажешь, что любишь меня?

Илья смотрел, не отвечая.

– Что и требовалось доказать. Хватит мне уже выставлять себя на посмешище.

– Молодые люди, вы что-то собираетесь заказывать? – раздался окрик со стороны кассы.

Томочка вскочила со стула.

– Спасибо. Я сыта по горло.

Рванув со спинки стула сумку, она круто развернулась и помчалась прочь по проходу. Илья так и остался сидеть.

– Почему ты не пошел за ней? – спросил его Миша, когда Илья вечером позвонил ему, узнать как дела и рассказать о случившемся.

– Сам не знаю. Ступор какой-то напал.

– Может, оно и к лучшему? – осторожно спросил Миша. – Нет, Томочка классная! Но ведь ты не любишь ее и никогда не будешь относиться так, как она того хочет. Это будет честнее. А то она вечно как на привязи.

В Мишиных словах был резон. Но сердце Илья ныло. Не было никакого облегчения от того, что он разорвал тупиковые отношения. Наоборот.

– Мне хреново, – уныло проговорил Илья.

– Мне тоже. И ведь даже не напьешься!

Миша специально взял дежурство на этот день, чтобы занять себя работой в день отъезда Лели, отвлечься, но теперь думал, что зря это сделал. Работал он участковым полиции, и сидеть всю ночь в крошечном кабинетике, в ожидании вызова на дебош или семейную разборку – то еще удовольствие.

– Как-то мы с тобой синхронно раз – и одни, – вздохнул он.

– Леля вернется. – Илья и вправду был в этом уверен.

«А вот Томочка – нет. Я сам ее прогнал», – подумал он.

– Тебе нужно квартиру другую поискать, – заметил Миша. – Вам будет тяжело встречаться.

Томочка и Илья жили дверь в дверь. Квартира Томочки досталась ей от бабушки, а Илья свою снимал.

– Наверное, – вздохнул он. – Поищу поближе к работе.

«Так будет лучше», – попытался уговорить себя, повторяя Мишины слова, но самому в это не верилось. На душе было погано и как-то очень уж пусто: на том месте, где были отношения с Томочкой, образовалась дыра – глубже, чем Марианская впадина.

Повесив трубку, Илья послонялся некоторое время по квартире, думая о том, что сейчас делает Томочка. Плачет, наверное. Или ушла куда-нибудь. Теперь ведь не позвонишь, не спросишь. Когда Илья шел домой, свет в ее окнах, которые выходили во двор, горел. Значит, она была дома.

И сейчас, возможно, там.

«Сходить, может быть? Помириться, прощения попросить? Сказать, что можно попробовать еще раз?» – подумал он.

Но отмел эту мысль. Миша прав, это нечестно по отношению к Томочке. Что еще за пробы, эксперименты! Без него она устроит свою жизнь, встретит человека, который будет любить ее так, как она заслуживает.

Идея о грядущем Томочкином личном счастье болезненно уколола, он и сам не понимал почему.

Стараясь выбросить из головы мысль о девушке, Илья сходил в душ, сделал себе чаю с бутербродами и включил ноутбук. Статья про Гусарова с его отелем сама себя не напишет. А сейчас как раз полезно окунуться в текст: работа всегда выручала, спасала в трудные минуты.

Вспомнился одинокий трудоголик Щеглов, на душе стало совсем уж гадко, но Илья усилием воли заставил себя заняться делом.

Глава пятая

Статья о «Петровском» шла туго. Новогодний репортаж про елки Илья написал за несколько дней, а вот с заказным материалом, за который, по-хорошему, стоило бы сесть в первую очередь, была совсем беда. Вроде бы и информация собрана, и работать есть над чем, а вот поди ж ты...

Илья съездил на место, полюбовался отреставрированным зданием. Строительные леса, забор вокруг бывшей больницы уже убрали. Территорию возле нее и парк привели в порядок, облагородили: специалисты по ландшафтному дизайну поработали на славу.

Всюду сновали люди, подъезжали автомобили, рабочие что-то разгружали, заносили, монтировали – подготовка к открытию шла полным ходом. Илья тоже, по сути, был в команде: журнал должен выйти аккуратно к этому торжественному мероприятию с участием отцов города и губернатора области. Он смотрел на всю эту суету, пытался проникнуться важностью момента – и не мог.

Тема раздражала, превращение больницы в отель казалось глупостью, то, что Гусаров что-то утаивал, а спросить его было нельзя, сидело в мозгах занозой. Илья хотел бы написать совсем другую статью – не хвалебную оду Гусарову, а критическое расследование того, почему в городском бюджете не сумели найти денег на ремонт и восстановление больницы, но это было невозможно, а потому бесило.

У него, конечно, имелось в запасе еще несколько дней (а написать все можно было и за день, если сесть и не вставать несколько часов, пока не закончишь), но он не привык сдавать материалы впритык.

Должно быть, виной всему были мысли о ссоре с Томочкой. С того памятного разговора в кафе минуло четыре дня. Они с Томочкой ни разу не встретились: похоже, оба прикладывали к этому все усилия. Прежде чем выйти из квартиры, Илья смотрел в глазок, а заходя в подъезд, держал ключи наготове, в два прыжка пересекал лестничную клетку, вставлял ключ в замочную скважину, быстро проворачивал его, толкал дверь и скрывался в квартире, как в бункере. Томочка, скорее всего, поступала так же.

Но сознавать, что она тут, рядом, что превратилась из друга и близкого человека всего лишь в соседку, с которой нельзя пересекаться, чтобы избежать проблем, было тяжело. К тому же мучила совесть: Томочка вместе с Мишей и Лелей спасла ему жизнь, а он обидел ее, оттолкнул. Поэтому Илья, по совету Миши, искал другое жилье.

Он уже предупредил квартирную хозяйку, которая немало огорчилась, что аккуратный, исправно платящий, тихий и беспроблемный жилец хочет съехать через две недели. Нашел несколько вариантов – неплохих, даже более удобных, и теперь выбирал, что предпочесть.

Нужно было договориться с грузчиками о перевозке вещей, упаковать все, выбросить лишнее: за годы жизни ты незаметно, но неизбежно обрастаешь вещами, как днище корабля – ракушками. Но вместо того чтобы заниматься этим, Илья, как в случае со статьей, не мог себя заставить что-то делать, лишь бесцельно слонялся по квартире и бестолково перекладывал книги и посуду с места на место.

Звонок матери раздался, когда Илья собирался уходить с работы.

«Что ей нужно?» – подумал он.

Мать звонила редко, почти никогда. Он набирал ее номер раз в неделю, когда переводил деньги на карточку: спрашивал, дошли или нет, дежурно интересовался самочувствием.

Илья поднял трубку и услышал знакомый хриловатый голос.

– Илюшка, ты бы хоть приехал! Тут не пойми что творится!

Это тоже было странно. Виделись они от силы три – четыре раза в год, и мать никогда не приглашала сына прийти.

– Что у тебя стряслось? – спросил он.

– Да кран этот! – Последовал поток непечатных слов и выражений, которые не принято произносить в приличном обществе. Илья отвел трубку от уха и поморщился. Он не терпел мата. – Хлещет как из ведра.

Илья позадал уточняющие вопросы и понял, что с краном что-то неладное: он не закручивается, льется вода.

Значит, все-таки придется ехать. Не ровен час, потечет к соседям, да и оплачивал счета Илья по счетчику: сколько может накапать, если поток не перекрыть, один бог знает.

– Ты слесаря вызвала?

Снова полилась площадная брань: мать была уже основательно пьяна. Все же в относительно трезвом состоянии она разговаривала вполне прилично. Насколько Илья мог судить, позвонила куда-то или сходила к кому-то, но ей сказали, что прийти могут только завтра. Хотя, скорее всего, это ей только почудилось, никуда она не звонила и не ходила, да и не знала ни телефона, ни адреса.

Илья сказал, что будет минут через сорок. Пока ехал в такси (пришлось вызвать, чтобы добраться побыстрее), нашел в интернете телефон аварийной службы, вызвал мастера (разумеется, за отдельную плату).

Это были непредвиденные расходы, к тому же следовало отдать сразу за два месяца вперед за новую квартиру, а это и без того пробивало брешь в бюджете. Оставалось надеяться на премию к Новому году и приличный гонорар за платную статью (которая никак не желала писаться).

Оказавшись возле дома, в котором прошло его не слишком счастливое детство, Илья глянул на окна материнской квартиры. Свет горел в обеих комнатах и в кухне: об экономии мать не слышала. Думая о том, что ему придется общаться с ней, он почувствовал, что настроение, и без того не слишком радужное, вовсе опустилось до нуля.

Илья знал, что Миша не понимает его отношения к матери (а больше понимать было некому, потому что Илья никому про нее не рассказывал). С детских лет Илья был предоставлен сам себе, ходил в детский сад и школу, рос и учился на фоне непрекращающихся гулянок матери: та не занималась сыном, никогда не интересовалась его судьбой.

Мальчик привык заботиться о себе сам, зарабатывал с шестнадцати лет. Окончив школу, поступил на факультет журналистики и, как только появилась возможность, съехал в съемную квартиру. Но мать из своей жизни не вычеркнул. Она к тому времени потеряла работу, а до пенсии было далеко. Жить ей было не на что, и Илья оплачивал счета по квартплате, платил за телефон и раз в неделю переводил матери на карточку некоторую сумму на еду (большую часть, конечно, она сразу пропивала).

Несмотря ни на что, бросить мать он не желал, хотя (как говорил Миша) имел на это полное моральное право. Мише он отвечал, что если оставить мать без денег, то она рано или поздно продаст квартиру (как продала уже давно все, что в ней было более или менее ценного) и окажется на улице. Но дело было не только в этом – еще и в том, что он, жалея ее, просто не мог так поступить. Чем бы он тогда отличался от нее?

Дверь Илья открыл своим ключом. За ней слышались голоса: женский и мужской, и он подумал, что слесарь пришел раньше него, и теперь пытается объясниться с матерью.

Оказавшись в квартире, Илья увидел в прихожей мать, одетую в спортивный костюм не первой свежести. Жидкие волосы стянуты в неопрятный хвост, губы зачем-то намалеваны помадой.

– Илюшка! – Мать издевательски всплеснула руками. – Чё так рано? Надо уж было завтра!

В кухне послышался смех, перешедший в кашель. Ясно, никакой это не слесарь, дружка привела.

Разуваться и снимать куртку Илья не стал, отвечать и оправдываться – тоже. Сразу прошел в ванную. Вода лилась в треснутую раковину. Илья покрутил кран – и правда, не закручивается.

– Сволочи, за что только деньги получают! – Это относилось, по всей видимости, к слесарям. Неужели все-таки говорила с кем-то из домоуправления?

В дверь позвонили.

– Ты еще что за хрен с горы? – спросила мать.

Илья поспешно вышел в коридор и увидел немолодого мужчину с чемоданчиком.

– Добрый вечер, это я вас вызвал.

Через час все было закончено, кран отремонтирован. Слесарь взял свои деньги и ушел, смерив на прощание мать брезгливым взглядом.

– Я тоже пойду, – сказал Илья и вышел в прихожую.

Мать хотела что-то ответить, но тут у Ильи запел мобильный. Костя Калинин звонил, чтобы сказать, что заказчик – Гусаров – хочет увидеть статью в пятницу, потому что потом уезжает, а вернется только через десять дней.

– В четверг ты ее должен на верстку сдать, мы Гусарову уже готовый вариант покажем, как на полосе. Меньше придираться будет.

Этот принцип срабатывал не всегда, но попробовать стоило. Илья пообещал, что послезавтра, утром в четверг, статья точно будет.

«Нет худа без добра, иногда цейтнот помогает», – подумал Илья, убирая сотовый.

– Ты чё, из газеты, что ли?

Илья обернулся и увидел, что в прихожую выполз материн собутыльник, сухопарый, тощий, как шнурок, мужичонка, заросший сивой щетиной. В руках у него дымились на редкость вонючая папироса.

– В журнале он работает, – встряла мать. – Говорила же! Не нам с тобой чета! Интеллигент! – Она засмеялась визгливым смехом, как будто удачно пошутила.

– Про Петровскую больницу, что ли, говорил?

На ногах мужик стоял не вполне твердо, но взгляд был осмысленный.

– Да, – коротко ответил Илья.

– Место там дурное. Слышь, ты не ходи туда.

Мать воззрилась на своего приятеля.

– С чего взял-то?

Илья напряженно слушал. Можно было сразу уйти: ничего путного этот пьянчужка сказать не мог, у него давно мозги пропиты. Но Илья, тем не менее, оставался, ждал, что еще он скажет.

– Шабашили мы там. Я, Санек, еще мужики были. Мусор строительный убирали. Там же ремонт был. Больничку переделывали в отель, слыхала хоть?

Мать точно ничего не «слыхала» (кроме выпивки ее мало что интересовало), однако нерешительно кивнула.

– Я Митя. – Мужик вдруг решил представиться и сунулся к Илье с вытянутой для приветствия рукой.

Тот машинально пожал заскорузлую ладонь и спросил:

– Почему вы сказали, что это плохое место?

– Призраки там. Демоны воют по ночам. Страх божий.

Мать вытаращила на Митю глаза, растянула рот в улыбке и хотела что-то сказать, но ее друг, заметив это, засверкал глазами и рывкнул:

– Чё ржешь, кобыла? Правду говорю! Никто там не хотел работать! Если только днем, да и то... А нам ночью велели доделать. Скорей им, видишь ли, надо! Зажрались. А деньги-то нужны! Жить-то надо на что-то, я тебя спрашиваю?

Лицо Мити быстро наливалось кровью: похоже, он был гневлив и скор на расправу.

– Кто-то пострадал? – быстро спросил Илья.

– Пострадал! – Митя презрительно выплюнул это слово. – Загнулся как не фиг делать! Хороший мужик был! Это только кого я знаю, а люди говорили, еще другие были... И все шито-крыто, потому как этот моржовый...

Митя не успел договорить. Мать, которая стояла с ним рядом, внезапно прижала руку к груди, издала странный горловой хрип и повалилась на пол.

– Ир! Ирка, ты чё? – забормотал Митя, прижимаясь к стене.

Илья бросился к матери – та была без сознания.

– Мама!

– Я ничё не делал! – зачем-то принялся оправдываться Митя. – Пришел, посидели культурно, выпили... Я ничё...

Хлопнула дверь: Митя выкатился из квартиры, испугавшись неведь чего. Возможно, встречи с полицией.

Илье некогда было разбираться в его мотивах: он звонил в скорую. Трубку взяли быстро, и уже через десять минут приехали врачи.

Сидя в грязной замусоренной прихожей, возле лежащей на полу матери, Илья не мог понять, что чувствует: страх? боль? сострадание?

Или эта женщина уже давно и бесповоротно убила в его душе все чувства к себе?

Глава шестая

– Какие хоть прогнозы-то? Врачи что-то определенное говорят? – спросил Миша.

Они с Ильей с самого утра упаковывали остатки вещей. Грузчики уже вывезли мебель книги и технику, оставалось то, что Миша должен был перевезти на своей машине.

– Пока сложно говорить. Она два микроинфаркта и микроинсульт на ногах перенесла, теперь вот еще один инсульт. – Илья складывал в коробку мелочи из ванной комнаты. – Повезло, что я там оказался. Этот Митя бы свинтил и не вызвал скорую. Врачи говорят, есть период терапевтического окна – от трех до шести часов, если успеть в больницу и начать лечение, есть шанс восстановиться. Может, не в полной мере, но...

Он вышел из ванны и взял упаковку скотча. Почти все было уложено. Квартира, лишенная привычных вещей, выглядела сиротливой и жалкой, словно ее грубо обнажили и выставили на поругание.

Илья жил здесь с девятнадцати лет, привык, иногда забывал даже, что это не его жилье, а съемное. Кроме дивана, кресел и кухонного гарнитура вся мебель была куплена им, он сам делал тут ремонт, покупал шторы на окна, посуду и светильники. Теперь все это было снято и вынесено прочь, чтобы занять свое место в его новом жилище.

– Кажется, все, – сказал Илья, обводя взглядом пустую комнату.

Тюки и коробки громоздились в прихожей.

– Выдвигаемся потихоньку, – откликнулся Миша.

Было воскресенье. Мать Ильи уже несколько дней лежала в больнице. Ей повезло: дежурила хорошая больница – «Госпиталь ветеранов», там были отличные условия и квалифицированные врачи.

Как сказал Матвеев-старший, Мишин отец, лучшей клиники в Быстрорецке для лечения больного с инсультом не найти. Даже если бы и представилась возможность выбирать.

Миша подхватил две коробки, которые стояли одна на другой, и вышел из квартиры. Сходить придется несколько раз: сразу все не унесешь. Илья выходил со своей ношей вслед за другом, когда дверь соседней квартиры открылась и на пороге появилась Томочка.

Она была в коротком пальто – новом, ярко-алом, прежде Илья такого не видел, иначе бы запомнил. Видимо, собралась куда-то. Ничего удивительного: выходной день, незачем дома сидеть.

– Привет, – сказал он.

Томочка кивнула.

– Переезжаешь? – спросила она равнодушно, и Илья подумал, что это спокойствие было показным.

– Да.

– Если из-за меня, то не стоило. – Томочка на редкость хорошо контролировала свой голос: он почти не выдал ни волнения, ни обиды. – Я тебе докучать не стала бы.

– Нет, дело не в тебе.

«Лжец, лжец!» – ехидно мяукнул внутренний голос.

– У матери буду жить. Она в больнице, инсульт. Скоро выпишется, нужно будет ухаживать.

Глаза Томочки наполнились сочувствием: броня нарочитого спокойствия чуть треснула.

– Господи! Илюша, это такой ужас! – Она знала, что мать и сын не ладят. Илья как-то раз упомянул об этом, опустив подробности. – Тебе будет сложно. Такие больные требуют особого ухода, к тому же часто они очень капризные. Сильный удар был? Дай Бог, чтобы не парализовало и с головой все нормально было!

Илья подумал, что еще немного, и Томочка предложит помощь. Она, видимо, тоже решила, что излишне горячо выражает сочувствие, потому что сменила тон и неловко закончила:

- Мне очень жаль. Сил тебе и терпения.
- Спасибо, – так же церемонно ответил Илья.
- Привет, Томочка.

Миша, который отнес уже свои коробки, вернулся за следующей партией.

Томочка поздоровалась с ним и отвернулась к двери, которую еще не успела запереть. Миша поднялся по лестнице, вопросительно посмотрел на Илью, и тот сразу понял, что друг имел в виду: «Мне свалить по-быстрому и дать вам поговорить или торчать тут, чтобы она быстрее ушла?»

Беда в том, что Илья и сам не знал. Томочка была такая милая и хорошенькая в своем новеньком наряде, что хотелось смотреть на нее подольше. А кроме того, взглянув на девушку, Илья понял, что скучал по ней, что ему не хватает ее заботы, тепла и внимания. Пусть он не любил Томочку, но ему было с ней хорошо и спокойно.

«Не будь эгоистом», – приказал себе Илья и, когда Томочка заперла дверь и снова повернулась к ним лицом, сказал:

- Всего тебе хорошего. Нам еще кучу вещей надо перетащить, так что...

Она слегка покраснела (а может, то была лишь игра света), засунула связку в сумочку и сухо проговорила:

- До свидания. Здоровья твоей маме.

Томочка спускалась по лестнице стремительно, каблуки ее отбивали сердитую дробь. Может быть, она все это время ждала, что Илья поразмыслит и поймет, как ему без нее плохо, надумает начать все заново. Теперь же надежда умерла, и Илья возненавидел сам себя за то, что снова причинил боль этой чудесной девушке.

Должно быть, это отразилось на его лице, потому что Миша философски заметил:

- Так все равно лучше, чем отрубить собаке хвост по частям. Гуманнее.
- Давай, давай, сыпь замшелыми афоризмами. Скажи еще: «С глаз долой – из сердца вон», – брюзгливо заметил Илья, понимая, что Миша прав.

Спустя некоторое время, когда они уже садились в машину, до отказа загрузив багажник и завалив вещами задние сидения, он сказал:

- Как-то все по-дурацки в последнее время.
- Это потому, что у тебя гипертрофированное чувство ответственности. Ты думаешь, что должен отвечать за всех и за всё: за мать, за Томочку, за Щеглова какого-нибудь. А на самом деле мир обойдется и без тебя. Поскрипит и справится. Каждый должен быть сам за себя.
- Чего же ты меня тогда весной не бросил?
- Ты – мой крест, – хмыкнул Миша. – Но крестов не должно быть много, а ты ими обвешался.

В машине было тепло, и Илью потянуло в сон. Отдыхать в эти дни получалось мало. Пока мать была в реанимации и к ней не пускали, он писал статью про отель «Петровский». Тут уж было не до рефлексии и ожидания вдохновения: сроки горели. Успел к четвергу, как велел Калинин.

Гусаров, к счастью, не выпендривался, согласовал текст сразу. Да и в целом на полосе с отличными снимками, которые сделал Шафранов, материал смотрелся прекрасно, Гусарову понравилось.

А с пятницы Илье приходилось дежурить в больнице. Он платил одной из больничных санитарок за помощь, но все же в основном ухаживал за матерью сам. Ей предстояло провести в клинике всю следующую неделю, потом мать должны были отправить в реабилитационный центр – спасибо отцу Миши, он договорился с кем надо.

Что будет потом, после выписки, когда мать окажется дома, Илья не представлял и думать об этом боялся. Оставалось надеяться на то, что она восстановится достаточно, чтобы Илья мог ходить на работу и оставлять больную дома в течение дня.

Добравшись до дома, где жила мать и куда теперь он снова вернулся (о чем совсем недавно и помыслить не мог без содрогания), они с Мишей проделали всю операцию в обратном порядке: освободили багажник, перетащили пожитки Ильи в квартиру.

Здесь был погром: мебель, тюки, коробки громоздились на каждом свободном клочке пространства. Квартира была неприбранной и запущенной: Ирина не утруждала себя уборкой и поддержанием порядка.

– Спасибо, – сказал Илья, прикидывая, с чего начать, и с тоской думая о том, что прибираться придется весь остаток дня и всю ночь.

– Давай начинать. Командуй, – сказал Миша.

Илья взглянул на друга.

– Ты серьезно? Не надо, сам справлюсь, – запротестовал он, – у тебя же единственный выходной.

– У тебя тоже. Не заставляй себя уговаривать.

Они драили квартиру и собирали мебель до одиннадцати вечера. Вынесли на свалку старые, пропахшие прокисшим пивом, табаком и еще чем-то отвратительным старые кресла, тумбочку с отвалившейся дверцей и раздолбанный стол, избавились от грязных занавесок, больше похожих на тряпки для мытья полов, от разбитого торшера и треснувшей люстры; вытащили на помойку гору хлама: пивные банки, рваное тряпье, старые газеты, расколотые цветочные горшки и разбитую посуду.

Вымытые окна сверкали первозданным блеском, линолеум на полу и стены стали выглядеть вполне прилично.

– Обои потом переклею, куплю кое-чего по мелочи и будет отлично. Жить можно. Еще и экономия, за съём не платить, – сказал Илья, когда они с Мишей сидели в кухне и пытались поужинать: жевали бутерброды, запивая их пивом.

Оба так устали, что кусок в горло не лез. Миша решил остаться с ночевкой, поэтому можно было не торопиться. В квартире было жарко, топили на совесть: даже открытая форточка не спасала от духоты. На Илье была майка, Миша сидел с голым торсом. У основания шеи виднелся побелевший, но все же заметный шрам – результат схватки с Мортус Ултором (*подробнее читайте в романе «Узел смерти» – примеч. ред.*).

– Так-то да, – согласился он. – Экономия, точно.

Помолчали.

Илья вспоминал, сколько раз сидел на этой кухне, пока в большой комнате шла очередная гулянка. Дверь в его комнату не закрывалась, поэтому он предпочитал сидеть здесь. Его редко беспокоили: все материны приятели знали, что у Ирки есть сын, который сидит с уроками на кухне, и сюда не совались.

– Ты статью про отель сдал? – вырвал его из невеселых воспоминаний голос Миши.

– Ага, – кивнул Илья и поправил очки на переносице. Щекочущее ощущение почти сошло на нет. Или ему попросту стало не до того. – В начале декабря выйдет.

Неожиданно он вспомнил странные слова Мити про отель, о которых совершенно позабыл.

– Митька, тот мужик, что у матери был, говорил, что в «Петровском» рабочий умер, которого наняли уборку делать после ремонта. Ты ничего об этом не слышал? – спросил Илья.

Миша задумался, помолчал немного.

– Вроде бы нет. Но это, конечно, не наш район. Хочешь, чтобы я сводки посмотрел?

Журналист в душе Ильи сделал было стойку: вдруг получится стоящий материал? Но потом он подумал, что это не имеет смысла. Во-первых, Митины слова никак не могли заслу-

живать доверия. А во-вторых, ему осточертел этот отель вместе с его прошлым, настоящим и всеми тайнами, вместе взятыми.

– Нет, забудь, – ответил Илья. – Этот Митя, похоже, не в себе. Ему там то ли демоны мерещились, то ли привидения. Хроник дня, короче.

Он улыбнулся, но ответной улыбки не получил.

– Всякое в жизни бывает, – сказал Миша. – Я после весенних событий уже ничему не удивляюсь. Но в одном ты точно прав: если в «Петровском» что-то нечисто, лезть туда тем более не стоит.

Больше к этой теме друзья в тот вечер не возвращались.

Илья полагал, что, сдав статью Щеглову, он закрыл эту тему навсегда, что про отель «Петровский» можно благополучно забыть.

Как показали дальнейшие события, он сильно ошибался.

Глава седьмая

Ноябрь с его серыми вечерами, мокрым снегом и промозглым ветром наконец-то закончился. Дни были до краев наполнены заботами, Илью затащило, завертело в хороводе дел, которые не отличались разнообразием: дежурства в больнице да работа, а в свободные минуты – косметический ремонт в квартире, который Илья делал своими силами, пару раз попросив помочь Мишу.

Потом, когда мать перевели в реабилитационный центр, стало легче: дежурить возле нее не требовалось, только навещать. Илья старался приезжать каждый день: врачи сказали, это важно, поможет матери восстановиться.

Илья знал, что медперсонал больницы и центра относится к нему с уважением, хотя и удивился бы, если бы кто-то рассказал ему, как часто они с матерью становились предметом обсуждения в ординаторской и сестринской.

– Каждой матери такого сына только пожелать можно, – говорила лечащий врач. – Любо-дорого посмотреть, как он за ней ухаживает.

– Не всем так с детьми везет, – откликались ее коллеги.

Ирина шла на поправку на удивление быстро, хотя организм был изношен, многолетнее злоупотребление алкоголем сделало сосуды хрупкими, как тонкое стекло. Она могла самостоятельно, хотя и с трудом, ходить, справляясь все лучше и лучше; правая рука работала плохо – это было уже не исправить, но самым серьезным повреждением стали проблемы с речью: Ирина все понимала, но не могла говорить, как прежде, и это, судя по всему, было необратимо.

– Вы не представляете, как она старается, – сказала Илье доктор из реабилитационного центра. – И делает это ради вас. Ждет вас постоянно, в окно смотрит.

Потому Илья и не пропускал ни дня, даже если совсем не было времени, все равно приезжал – договорился, чтобы его пускали в любое время, не только в часы посещения больных. Центр был хороший – спасибо Мишиному отцу, и Илья надеялся, что со временем мать оправится окончательно, хотя надежды на полное исцеление не было.

То, что случилось с нею, было настоящей бедой. Но вместе с тем Ирина словно бы впервые в жизни увидела, разглядела своего сына. Поняла, что за человека она привела когда-то в этот мир.

В первые дни, когда ей было совсем плохо, мать все время искала сына взглядом, и только когда он оказывался рядом, успокаивалась.

Она сжимала его руку здоровой левой рукой и, кажется, силилась сказать что-то важное, но не могла, лишь смотрела напряженным взглядом, в котором то и дело блестели слезы. Губы ее кривились, подрагивали, видеть это было больно, но Илья старался не отворачиваться.

– Когда мать выпишут? – спросил как-то Миша.

– Примерно к середине декабря.

– А дальше что?

– А что дальше? На процедуры в поликлинику запишемся, буду возить – мне сказали, раза три в неделю надо. Медсестра будет ходить, уколы, таблетки. Хорошо еще, с головой у матери все в порядке, смогу ее одну оставлять днем, пока я на работе, – бодро ответил Илья.

Позже, когда Миша обсуждал все это с отцом, тот сказал:

– Чем больше детям в задницу дуешь, тем большими эгоцентриками они вырастают. И наоборот. Ирина вон плевала на Илью всю жизнь, а он смотри какой вырос! – Юрий Олегович покачал головой. – Жалко парня, конечно. Прикован к ней будет на долгие годы. Дай Бог, чтобы она хоть что-то ради него сделала в этой жизни: восстановилась поскорее, чтобы ему полегче было.

Миша, который недолюбливал тетю Иру, как она просила себя называть, был с ним согласен.

Человек, как написал однажды Зощенко, не блоха, ко всему привыкает. Илья тоже привык к своему новому ритму. Часто вспоминал Томочку, думая, как она там, и понимая, что, будь девушка по-прежнему с ним, непременно включилась бы в его заботы, захотела принять часть их на себя. Теперь же, в отрыве от него, Томочка будет жить нормальной полнокровной жизнью – еще один балл в пользу их расставания.

Утром третьего декабря Илья пришел на работу и понял: что-то стряслось. Все журналисты уткнулись в мониторы компьютеров, Костя Калинин пронесся мимо него в кабинет главного редактора, забыв поздороваться и бросив на ходу:

– Зайди!

Явно что-то с текущим декабрьским номером, который должны были послезавтра сдать в печать. Что-то иное вряд ли могло так взбудоражить всех. В сознании Ильи номер этот уже отошел в прошлое – он сделал свою часть работы и мог забыть о нем до того момента, когда возьмет его в руки, вдохнет запах свежей типографской краски.

Что могло произойти?

Илья поспешно сбросил верхнюю одежду, постучался в дверь главреда и, услышав нервное: «Да, входите!», вошел в кабинет.

Кроме Кости Калинина и хозяина кабинета, здесь был еще Рома Щеглов.

– Садись давай, – пригласил главный редактор, пожилой мужчина с залысинами и уютным брюшком. Он носил очки с толстыми линзами и перстень-печатку с черным агатом. Звали его Иваном Даниловичем. – Будем думать, что делать.

– Что-то со статьей? – спросил Илья, греша на свою «елочную» публикацию, которая, возможно, получилась более критичной и менее восторженной, чем от него ожидали.

– Со статьей все в порядке, но неизвестно, выйдет ли она, – проговорил Щеглов. – В нынешней ситуации.

– И ведь платеж еще до сих пор не пришел! – горестно воскликнул Костя, заламывая руки.

Раз платеж – значит, дело в статье про отель «Петровский». Что с ним не так? Ответ пришел незамедлительно:

– Гусаров умер, – сказал Иван Данилович. – Мне полчаса назад позвонили и сказали.

Илья потерял дар речи.

– Материал не оплачен, да и как его ставить? С кем этот вопрос вообще регулировать, обсуждать? – причитал Костя. – Обложки у нас четвертой, получается, тоже нет, если Гусарова с нее убирать. И продать другому уже не успеваем! А типография ждать не будет, если их просить подождать: у них же очередь!

«Человек умер, а он все об одном», – с досадой подумал Илья и спросил:

– От чего он умер?

– Что-то с сердцем. Инфаркт вроде бы, – ответил Щеглов.

Вот жизнь, подумалось Илье. Вчера ты был богатейший человек, планы строил, отель собирался открывать, а сегодня лежишь в морге, и никакого завтра – нет. Ничего уже не решаешь, не хочешь, и нет тебе дела ни до чего.

– Может, секретарю его позвонить, она сориентирует? – предложил Илья.

– Уже, – отмахнулся Калинин. – Они там сами на ушах. Мечутся.

– А если жене?

Повисла пауза.

– Беспокоить вдову в такой момент, – начал было Щеглов, но Иван Данилович его перебил:

– А что, это мысль! Возможно, как раз у нее и стоит спросить! Начать с соболезнований, а там как пойдет. Может, удастся узнать что-то.

– Кто будет с ней разговаривать? – спросил Роман, и все почему-то посмотрели на Илью.

– Я? – опешил он.

– Ты статью о нем писал, и статья эта ему очень понравилась. Думаю, он и жене об этом рассказал, так что...

– Вы же у нас главный редактор! – возмутился Илья, которому не хотелось говорить с безутешной вдовой, только-только потерявшей мужа.

– И вот как главный редактор и твой начальник я тебе это поручаю. Мог бы и Калинин позвонить, но я боюсь, он напрямую поперет про деньги и только все испортит.

Костя обиженно запыхтел, но, с другой стороны, то, что за решение щекотливой проблемы предстояло взяться другому, его явно обрадовало.

Илья посмотрел на Щеглова, тот чуть заметно усмехнулся: давай, мол, брат, куда деваться?

Иван Данилович протянул Илье трубку, Калинин набрал номер домашнего телефона Гусаровых.

«Может быть, она еще и не возьмет», – подумал Илья, но ошибся. Трубку взяли.

– Аллю, – отозвались на том конце провода.

– Лариса Александровна? – спросил Илья.

– Слушаю вас.

Илья поздоровался, представился и выразил соболезнования. Не успел придумать, что еще сказать, как она его опередила:

– Муж показывал мне статью. Вы хорошо написали. – Она помолчала немного и спросила: – Понимаю, зачем вы звоните. Не знаете, что с ней делать? Ставить или нет?

Вдова была слишком уж деловита для убитой горем женщины.

– Понимаете, я...

– Конечно, понимаю. Вам за нее заплатили?

При этих словах Калинин, который, как и все остальные, напряженно прислушивался к разговору, крикнул и подался вперед.

Илья откашлялся и вкратце объяснил ситуацию.

– Что ж, надо подумать, как быть, – протянула Лариса Александровна. – Записывайте сотовый, Илья. Позвоните через полчаса.

Она продиктовала номер и повесила трубку.

– Деловая дамочка, – в тон мыслям Ильи проговорил Щеглов. – Не похоже, что она так уж убивается по мужу.

– Откуда мы знаем, что у них за отношения были? Главное, она все решит, – воодушевленно проговорил Калинин.

– Главное, чтобы решила правильно, – поправил его Иван Данилович.

Лариса Александровна не подвела. Спустя полчаса она объявила Илье, что средства будут переведены на счет журнала незамедлительно. Гусаров на обложке должен появиться, статья тоже выйдет – с соответствующим добавлением о трагедии, а также словами о том, что вдова, которая к тому же является совладелицей всех предприятий, продолжит начинание мужа: отель «Петровский» будет открыт в установленный срок.

– Это будет данью его памяти, – проговорила вдова казенную фразу, не особо заботясь о том, чтобы придать словам налет скорби.

Проблема была решена, переживания стали историей, декабрьский номер благополучно ушел в печать. Костя выдохнул, редактор благодушно улыбался, Рома Щеглов сказал, что Илья молодец.

Зачем он решил пойти на похороны Гусарова, Илья и сам точно не знал. Просто они пили со Щегловым кофе, говорили о случившемся и, когда тот обмолвился о дате и месте захоронения, Илья сказал:

– Думаю, надо сходить.

Щеглов обдумал его слова и ответил, что мысль неплохая.

– Это правильно. На нашем сайте разместим небольшой материал. Сходишь, сделаешь пару снимков, напишешь. Снимаешь ты хорошо, незачем фотографов привлекать, а пишешь так уж вообще...

– Как сказала убитая горем вдова, это будет «дань памяти», – поморщился Илья. – Я просто так хотел. По-человечески.

– Одно другому не мешает. – Работа у Щеглова всегда была на первом плане, на то он и Щеглов. Впрочем, это не делало его бесчувственным, плохим человеком. – Я тоже, пожалуй, схожу.

Так они вдвоем и оказались на кладбище – и это стало еще одним шажочком к дальнейшим событиям.

Когда происходит нечто важное, значимое, поворотное, люди часто полагают, что происходит оно случайно, независимо от их воли. На самом деле принцип «как снег на голову» срабатывает не столь уж часто, как принято считать.

Любое событие подготовлено цепью наших действий, мелких, вроде бы незначительных происшествий, мыслей, слов, встреч и расставаний. Мы живем, делаем выбор каждый день и час, а в итоге оказываемся в той точке, куда сами себя привели.

Эта мысль пришла Илье в голову спустя три недели. А в тот дождливый день, когда он стоял в числе десятков людей возле разрытой могилы под морозящим противным дождем, ему ни о чем таком не думалось.

Главным вопросом было: почему Гусарова, который скончался от сердечного приступа, хоронят в закрытом гробу?

Глава восьмая

– Спасибо, что пришли, – сказала Лариса Александровна Илье и Роману, когда они подошли выразить соболезнования. – Я очень тронута.

Вдова Гусарова была чудо как хороша. Даже в черном траурном одеянии, с минимумом косметики и в черной шляпе, которая делала ее похожей на жену застреленного главы мафиозного клана. Впрочем, как знать, не была ли она ею.

Илья знал, что она намного моложе супруга: ей было тридцать с небольшим, видел он и ее фотографии, но все же к тому, какое почти магическое действие она производила, был не готов. Фотографии не передавали глубину ее бархатного голоса, непринужденность и изящество манер, обаяние улыбки.

Словом, Лариса Александровна восхищала.

Но вместе с тем тревожила, а почему – Илья понять не мог. Быть может, все дело было в том, что она явно что-то скрывала.

Церемония была пышной и торжественной, но сухой, пронизанной официозом. Много венков и цветов, под которыми не виден был могильный холм, правильные речи, подобающие, точно распланированные действия, но слишком мало подлинных чувств. Родители Гусарова умерли, детей у него не было, а Лариса Александровна, хоть и стояла с печальным видом и опущенной головой, но отнюдь не страдала, не тосковала по усопшему.

Блиские друзья и дальние родственники толпились у гроба в первых рядах, качали головами, изредка перешептывались, и почти на всех лицах было написан немой вопрос: когда уже все закончится и можно будет уйти?

Илья в числе еще нескольких фотографов делал снимки церемонии, поэтому внимательно смотрел на людей, на их реакцию. Фотографий было много, и Илья надеялся, что получится выбрать из них подходящие.

– Я пришлю вам обоим приглашение на открытие отеля, – сказала Лариса Александровна. – Это будет восемнадцатого декабря.

– Спасибо большое, – ответил за двоих Щеглов. – Журнал вам туда привезут.

– Да-да, конечно, – рассеянно проговорила вдова, глядя на следующего подошедшего с соболезнованиями.

Илья и Роман попрощались и пошли прочь.

– Все-таки странно, конечно, – задумчиво проговорил Илья, машинально прикоснувшись к очкам.

– Что она нас персонально позвать решила? Может, забудет еще, так просто сказала.

– Я про гроб. Зачем было его закрывать?

– Воля покойного, – пожал плечами Роман. – Или еще что-то. Какая разница.

– Страшный он больно, – сказал кто-то за их спиной.

Молодые люди обернулись и увидели полного мужчину в потрепанном пальто и кепке. Лицо его было красным, как у гипертоника. Или у пьяного. Второе вероятнее, потому что речь была слегка несвязной, а глаза – мутными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.